

ПЕРЕРОЖДЕНИЕ

Глория Голд

Глория Голд

Перерождение

«Автор»

2026

Голд Г.

Перерождение / Г. Голд — «Автор», 2026

Что чувствует крошечная гусеница, угодившая в портал времени? Шелест римских тог, запах монастырского воска, грохот паровых машин и неоновый свет Москвы 2050 года. Прежде чем стать бабочкой, она проживает тысячелетия: пробует лавровый лист с алтаря Цезаря, спасается от голода в средневековом соборе и читает генный код растений будущего. Это философская сказка о взрослении души, рассказанная шепотом крыльев. История о том, что истинная красота рождается из способности впитать в себя все эпохи мира и всё равно вернуться к родному кусту крапивы в мае.

© Голд Г., 2026

© Автор, 2026

Глория Голд Перерождение

Я появилась на свет в мае, когда мир пахнет клейкой листвой и влажной землёй, когда каждый лист крапивы наливается соком и обещает жизнь, а солнце стоит над горизонтом ровно столько, сколько нужно, чтобы крохотное зелёное существо, едва заметное человеческому глазу, могло вскарабкаться на стебель и начать свой бесконечный, всепоглощающий, священный процесс поглощения. Моим первым воспоминанием был не свет, тепло или материнская забота, а ярко-зелёный, просвечивающий насквозь лист крапивы и нестерпимый, скручивающий внутренности голод, который стал моей первой философией и моим первым божеством. Я была гусеницей бабочки-крапивницы, и формула моей жизни была проста, как приговор, и прекрасна, как медитация: еда – рост – линька, и снова еда, и снова рост, и так до тех пор, пока тело не накопит достаточно мудрости, чтобы совершить последнее, самое важное превращение, о котором мне тогда ещё ничего не было известно, но которое уже зрело во мне, как зреет семя в яблоке или замысел в голове поэта, который ещё не взял в руки перо.

Я не знала, что такое время и история. Я не знала имён и дат, не знала, что где-то за пределами моего крапивного пустыря существуют империи, которые рушатся с грохотом, и люди, которые называют этот грохот судьбой, а потом пишут о нём толстые книги и спорят до хрипоты, кто был прав, а кто виноват. Всё это было от меня бесконечно далеко – до того самого вечера, когда закат окрасил небо в цвет чайной розы, а воздух передо мной вдруг пошёл рябью, словно само пространство затошнило от собственной бесконечности, и из этой ряби соткалась арка, светящаяся мягким, пульсирующим светом, от которого у меня зашекотало в тех местах, где у людей находится душа, а у гусениц – смутное предчувствие души. Инстинкт самосохранения, мой единственный советчик и мой вечный трус, заорал: «Замри! Не шевелись! Притворись веточкой!» Но голод – ах, этот древний, наглый, бесцеремонный голод, который никогда не читал книг по психологии, но всегда знал, чего хочет, – прошептал: «Слушай, а вдруг там, с той стороны, растёт что-то такое, чего ты никогда не пробовала? Вдруг там листья размером с блюдце? Вдруг там сок слаще, чем у майской крапивы?» И пока эти двое спорили, сквозняк, дувший из портала, принёс такие головокружительные ароматы, что моё тело среагировало быстрее разума, быстрее инстинкта, быстрее самой идеи выбора, и меня засосало внутрь, как пылинку в пылесос, как осенний лист в водоворот, как неосторожную мысль, которую подхватывает поток сознания и уносит в такие дали, откуда не возвращаются прежними.

Перенос был мгновенным и бесшумным, если не считать того внутреннего хлопка, с которым моё представление о реальности треснуло по швам и осыпалось на пол невидимыми осколками. Я упала с высоты примерно в пол-локтя на что-то тёплое, твёрдое и на удивление гладкое, отполированное сотнями прикосновений – как я узнала позже, это было мраморное плечо статуи, изображавшей какого-то важного господина с лавровым венком на каменных кудрях и с выражением лица, которое можно описать только одним словом: «величие». Внизу шумела толпа, одетая в белые и пурпурные ткани, воздух был пропитан смесью оливкового масла, конского пота и пряных благовоний, где-то кричали разносчики лепёшек, где-то скрипели колёса колесниц, и весь этот шум сливался в единый, оглушительный, величественный гул, от которого у меня заложило всё, что только можно заложить у гусеницы. Я попала в Рим эпохи заката Республики, в те самые дни, когда воздух был наэлектризован тревогой и амбициями, когда каждый сенатор смотрел на другого с той особой смесью любезности и холодного расчёта, которая обычно предшествует либо политическому союзу, либо удару ножом в спину.

И пока я пыталась осознать масштаб произошедшего, мой желудок, этот примитивный, бескомпромиссный орган, напомнил о себе с такой силой, что я готова была жрать мрамор. Я попробовала гипсовую крошку – фу, дрянь редкостная, солёная и никакая одновременно. Я поползла по статуе вниз, цепляясь микроскопическими крючочками на лапках за шероховатости камня, и в какой-то момент оказалась на фреске, изображавшей сцену пира: фазан, фаршированный инжиром, виноград, роняющий на скатерть капли сока, и гранат, разрезанный так реалистично, что у меня свело челюсти. Я попробовала краску она была горькая, и тогда я поняла, что, кажется, умру здесь, в центре мирового величия, от банального голода, и это будет самая нелепая смерть за всю историю гусениц.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.